АНАТОЛИЙ МУЗИС

СТИХИ

ФРОНТ. КОЛЫМА. ЖИЗНЬ И СУДЬБА

Анатолий Музис

Стихи. Фронт. Колыма. Жизнь и судьба

«Издательские решения»

Музис А.

Стихи. Фронт. Колыма. Жизнь и судьба / А. Музис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969844-5

В книгу вошли стихи из фронтового цикла, цикла Колыма, Жизнь и судьба, Посвящение Женщине, Твардовскому, Есенину и коллеге.Фотографии взяты из коллекции автора и из интернета свободного доступа.

ISBN 978-5-44-969844-5

© Музис А.
© Издательские решения

Содержание

I. РУБЦЫ ВОЙНЫ 6
(СТИХИ ФРОНТОВИКА) 6
1.МИНСК ГОРЕЛ 7
2. КЛОНИЛАСЬ РОЖЬ… 8
3. СТИХОТВОРЕНИЕ ПРО СНЕГ… 9
4. ПРО ДЕДА 10
5. ОПОЛЧЕНЕЦ 11
6. ВДОВА 12
7. УХОДЯТ ЖИТЕЛИ… 13
8. НОВОЕ БОРОДИНО… 14
9. ДАН ПРИКАЗ… 15
10. НАША ДОРОГА… 16
11. НА – ЗА – ПАД… 17
12. ПИСЬМА 18
13. 23 ДЕКАБРЯ… 20
14. МИНОМЕТ 21
15. ПЕРЕДОВАЯ… 22
16. ПЕРЕД АТАКОЙ… 23
17. СЕЛО АЛФЕРЬЕВО… 24
18. ВОЗДУШНЫЙ БОЙ 25
19. БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ ПАТРОНЕ… 27
20. О НЕПОБЕДИМОМ ЛЕЙТЕНАНТЕ… 29
21. КОМИССАР 30
22. В РАЗВЕДКЕ… 32
23. ВОЛОКОЛАМСКОЕ ШОССЕ… 33
24. ПОЭМА ОБ УЧИТЕЛЕ… 34
25. ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ И ОТВЕТ… 36
26. МАЙОР УСТАЛ… 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Стихи
Фронт. Колыма. Жизнь и судьба

Анатолий Музис

Геолог. Редактор и составитель сборников Виктор Музис

© Анатолий Музис, 2019

ISBN 978-5-4496-9844-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. РУБЦЫ ВОЙНЫ

(СТИХИ ФРОНТОВИКА)

1.МИНСК ГОРЕЛ

Минск горел! За двадцать километров
Видно было как огонь пылал!
Черный пепел, относимый ветром,
Словно траур землю покрывал…
Боль в груди кричала как подранок…
Каждый кустик, каждый поворот
Блеском угрожающих берданок
Спрашивал тревожно: «Кто идет?!»
Да, мы идем! Мы плачем и отходим!
Но мы еще вернемся! И тогда…
Трижды страшен будет гнев народа,
Вставшего за наши города!
Путь назад для нас не будет длинным!
В сердце ярость! Не тоска, не грусть!
Я не знаю, что я сделаю с Берлином…
Если до него я доберусь.

2. КЛОНИЛАСЬ РОЖЬ…

Клонилась рожь приливом и отливом,
Тяжелый колос гнулся до земли…
И вдруг, как вши, по белорусским нивам,
Кусая смертью, танки поползли.
    За ними трав тянулся след примятый
    И по следам проложенной войны
    Прошли чужие, рыжие солдаты
    С далекой нам, враждебной стороны.
Клубился дым пиратским черным флагом
На тех местах, где цвел когда-то труд.
Им обещали, что победным шагом
Они вот так всю землю обойдут.
    Победный шаг! Чего как будто проще…
    Глядят нахально пьяные глаза…
    А населенье уходило в рощи,
    В густые белорусские леса.
Душили слезы! Волчьими зубами
Хотелось вгрызться в горло подлецов!
Зрачками дул, ружейными стволами
Смотрело Белоруссии лицо!
    Не только люди – звери, вся природа,
    Была к ним лютой яростью полна…
– Так закипал великий гнев народа!
– Так началась священная война!

3. СТИХОТВОРЕНИЕ ПРО СНЕГ…

Мы все морозным воздухом дышали…
Мы все любили быстрых санок бег…
И лыжный спорт, и зиму…
Но едва ли мы понимали, что такое снег!
А в эту зиму все пошло иначе…
Гудит война! И всхлестнутый войной
Над миром, с диким посвистом казачьим,
Гуляет зимний ветер ледяной!
Он бьет людей по одному и скопом,
Морозит ноги, обжигает нос…
Не в теплом доме, в поле по окопам
Переносить приходится мороз!

А если пули над тобою свищут,
А ты ползешь… И ледяной пыльцой
Набьется снег тебе за голенища,
Забьет глаза, раскровенит лицо…
Когда по этой колкой белой пыли
До дзота вражеского все же доползешь
И дзот подняв наверх гремучей силой
Ты от снегов пехоту оторвешь,
И та пойдет вперед через ворота
Тяжелого саперного труда,
Ты, у тобою взорванного дзота,
Поймешь тогда,
Тот, кто не видел черной крови сгустков,
Холодных губ и посинелых век,
Кто в зимний день не ползал по-пластунски,
Нет, тот не знает, что такое снег!

4. ПРО ДЕДА

Высохло совсем лицо у деда,
Сморщилось от набежавших лет,
Старые глаза не видят света,
Плохо слышит, еле ходит дед.
    Но, когда мы в дедовской каморке
    На постое ночью собрались,
    Он надел разбитые опорки
    И с печи своей спустился вниз.
Глухо кашлял, словно из бочонка.
Ахал! Был он очень стар.
Внучка деда, шустрая девчонка
Быстро вскипятила самовар.
– Значит снова немец… От треклятый!
    И когда его угомонят…
    Ветер снег крутил и рвал над хатой,
    Завывая гулко, как снаряд.
Будто бы судьбу свою вручая,
Внучка чашки подносила нам.
Мы глотали воду, вместо чая
С мятною заваркой пополам.
    А потом, уже ко сну склоняясь,
    Подсмотрел я, как на образа,
    По привычке к богу обращаясь,
    Дед невидящие поднимал глаза.
Глушь… Россия…
Снег, поля да звезды.
Бездорожье девственных лесов…
Здесь пространство меряют на версты
И лампадки жгут у образов.
    Здесь глазами полными печали,
    Чувством дружеским стесняя грудь,
    На обратный путь благословляли,
    Провожая нас в опасный путь.
И хотя мне ясно и понятно:
– Бога нет!
Но в дедовской избе
Было нескрываемо приятно,
Что молились люди о тебе.

5. ОПОЛЧЕНЕЦ

Он шел за всеми, сколько мог,
Превозмогая ног усталость.
Но не хватило сил у ног,
Их отняла седая старость.
    Года, уже не те года,
    У жизни есть свои законы…
    И он тоскливо наблюдал,
    Как уходил конец колонны.
Но к вечеру он всех нагнал
И с нами под одною крышей
Остановился на привал.
И лет семнадцати парнишка,
    Спросил его: – Послушай, дед,
    Зачем ты тянешься за нами?
    Тот только посмотрел в ответ.
    Вконец усталыми глазами.
Мы в них прочли без лишних фраз:
– Беда у общего порога!
У старика, как и у нас,
Одна судьба, одна тревога.
    А утром тот же паренек,
    Хотя и знал, что путь был труден,
    Заплечный взял его мешок,
    Сказав: – Иди, так легче будет.

6. ВДОВА

Зима… За дверью снег и стужа.
Холодной мглой затянут горизонт.
Полгода писем ждет она от мужа,
Он с первых дней войны ушел на фронт.
Полгода воет сиротливо ветер…
Жена, кормилица и мать,
Она весь день заботится о детях,
Стараясь мысли страшные прогнать.
Придет с работы, сына кормит грудью,
Глядит в окно на мутный небосвод
И ждет письма… Упорно ждет и ждет…
А писем нет… и, видимо, не будет.

7. УХОДЯТ ЖИТЕЛИ…

Под самолетный смертоносный гуд
Дорогами, ведущими к востоку,
Как от чумы свирепой и жестокой
Уходят жители. Бегут…
Из Вильно, Каунаса, Белостока…
Июньский воздух пылен и горяч.
Шрапнель в нем виснет темными клочками.
Они бегут – с корзинками, с узлами…
И слезы женские, и детский плачь
С автомобильными слились гудками.
А им навстречу, яростны и злы,
Не испугавшись вражьего нахрапа,
Несутся наши летчики-орлы.
И гусеничным ходом тяжелы
Упрямо танки движутся на запад.
Войска идут, войска идут, идут…
Их натиск грозен, их порыв неистов.
И верят беженцы – они дойдут.
И верят беженцы – они сметут
С лица земли чуму фашистов!

8. НОВОЕ БОРОДИНО…

Я вышел ночью. В черной стуже,
В косой дождливой полосе,
Шли машины, разгребая лужи,
Курсом на Можайское шоссе.
Фары светом изредка мигали,
Им вовсю светиться не дано.
Там для немцев внуки повторяли
Дедовское Бородино.

9. ДАН ПРИКАЗ…

Дан приказ: – Прошли ученья сроки.
Быть готовым к четырем часам…
Фронт, вчера еще такой далекий,
Вдруг приблизился сегодня к нам.
И теперь не из газет и книжек,
По гудкам я узнаю о нем.
Наш вагон качает: ближе…
ближе…
ближе…
День уходит в вечер, в ночь, а за окном,
Поезд провожая, в сумерках застыл
В горе и надежде отстающий тыл.

10. НАША ДОРОГА…

Ремень, полушубок и ватные брюки,
Шапка ушанка, перчатки на руки,
Граната на пояс, винтовка за плечи.
Инеем звездным путь нам расцвечен.
За горизонтом находится фронт,
Наша дорога – за горизонт.

11. НА – ЗА – ПАД…

В жаркой железной печурке
С черной трубой в потолок
Прыгает пламя по чуркам,
Вьется смолистый дымок.
Громом далеких раскатов
Кажется рокот колес.
На-за-пад…
На-за-пад…
На-за-пад…
Мчится сквозь дым и мороз,
В пункт, что приказом назначен,
Теплый и темный, как сон,
Международный, телячий,
Красный товарный вагон.

12. ПИСЬМА

Мой брат служил когда-то на границе
И вот, в далекой дому стороне,
На письма он исписывал страницы
И больше всех писал своей жене.
Я часто видел письма брата,
Но их горячность понимал едва.
С тяжелой неуклюжестью солдата
Он в них мешал влюбленные слова.
Сбивались в кучу строк корявых стая.
Я скоро их запомнил наизусть:
«Любимая… Хорошая… Родная…
Вернусь… Люблю… Ты жди меня… Вернусь…»
И вот – война! Мы все теперь солдаты,
Мы все теперь с любимыми вразброс.
И как не вспомнить письма брата
И тот, не высказанный в них вопрос.
Война не мир, а пушки не хлопушки
И человек пред ними одинок.
Людей телячьи красные теплушки
Несут по руслам множества дорог.
Огонь печурок озаряет лица,
Обогревает дымом и теплом
И вижу я, что наяву им снится
Родимый и далекий отчий дом.
И тряску сердца в письмах изливая,
Как брат мой, изливая грусть
Все пишут также: «Милая… Родная…
Вернусь… Ты жди… Люблю тебя… Вернусь…»
И я вернусь! Я для тебя, родная,
Пройду сквозь бури неизвестных гроз,
Меня ведет вперед и сохраняет
Вся та любовь, что я с собой унес.

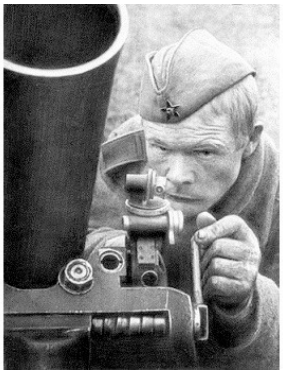
13. 23 ДЕКАБРЯ…

Сегодня двадцать третье декабря.
В лесных завалах ветер воет волком.
И рядом – фронт! Ни звезд, ни фонаря,
Ночная темь и снежные иголки.
В избе тепло. Желтеет лампы глаз,
На печке валеных сапог равненье.
Вот так, сегодня, в двадцать третий раз,
Встречаю я день своего рожденья.

14. МИНОМЕТ

Протяжный свист!
Земля поднялась дыбом…
Разверзлась под ногами твердь…
И из под ног,
Клубясь зловонным дымом,
Выходит смерть!
Она рычит на мир голодным волком,
Встречая все живое,
как врага.
И посылает черные осколки
В холодные и белые снега.
И снова тихо.
Только круг воронки
Дымится на снегу…
Но вот —
Опять протяжный посвист тонкий,
– Это миномет!

15. ПЕРЕДОВАЯ…

Огнем озарена передовая.
Бросая блики на штыки и каски,
Горят костры,
Опасностью пренебрегая
До той поры,
Пока их не погасит гул
Артиллерийской встряски.

16. ПЕРЕД АТАКОЙ…

Небо тучей накрыла ночь,
Стало чернее черного мрака.
Промчалась комета
Точь в точь
Как ракета перед атакой.
Выгнула в темном небе дугу,
Холодную белую линию,
И я почувствовал – не могу,
Темнота обессиливает.
Я лежал в подмосковном снегу
И ждал…
Не рассвета,
нет, не рассвета…
Я ждал, когда же ракета
Всех нас подбросит
с криком «Ура!»

И я знал – впереди враг.
Но внутри был не страх,
Потому что страшнее страшных атак
Было лежать на белых снегах.
Белых до сумасшествия,
До предела…
И я, напружиня горячее тело,
Как второго пришествия,
Ждал знака
Из мрака
За которым – атака!

17. СЕЛО АЛФЕРЬЕВО…

Село Алферьево в обхвате,
На картах стрелки… как тиски.
Мы долго отступали… Хватит!
Теперь вперед! Примкнуть штыки!
    Они укрылись в старых ДОТах
    И думают – их не достать.
    А мы в снегу. Ведь мы – пехота,
    К России нам не привыкать.
А им и доты не помогут.
Куда ни кинь – повсюду клин.
Мы перекрыли им дорогу
И на Москву, и на Берлин.
    На завещания похожи
    Их письма: «Снег… Морозы… Ночь…
    Спаси нас, Всемогущий Боже!..»
    Но бог не может им помочь.
И пусть они взывают к богу,
Бессилен даже бог помочь.
Штыки закрыли им дорогу,
– С дороги прочь!

18. ВОЗДУШНЫЙ БОЙ

Я наблюдал за ними с пригорка,
Дрогнул свод голубой,

Пришла истребителей наших пятерка
И сходу вступила в бой.
Их было пять, а врагов пятнадцать,
Но летчик дал полный газ.
– Нам ли пристало врага бояться,
Когда он боится нас!
Воздух металлом дрожал и звякал
И был по весеннему чист.
Но вот, как будто зажженный факел,
Вспыхнул один фашист.
За ним, ломая рядов равненье,
И руша порядков строй,
Теряя хвоста своего оперенье,
Рухнул наземь второй.
И двое еще окутались дымом
И стали валиться на бок.
Но в этот момент, обливаясь бензином,
Вспыхнул наш «Ястребок».
Бывают в жизни такие минуты,
Когда решается жизнь.
Мгновенье… еще…, но уже с парашютом
Летчик спускался вниз.
И в поле просторном встречаясь с нами,
Как радость, как главную весть
Сказал, улыбаясь одними глазами:
– А все же четыре есть!

19. БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ ПАТРОНЕ…

Уже в агонии упрямый
Сраженья близился конец,
И был развешанный на граммы
Дороже золота свинец.
    Он был один. Бинты налипли
    И коркой к ране приросли.
    Его товарищи погибли,
    Не может быть, чтоб отошли.
Он в тот момент о них не думал.
Он пулю пуле гнал вослед.
Но вот, проклятье, пуст подсумок,
И нет гранат, и смерти нет.
    Он видел их. Блестя штыками,
    Чуть отрываясь от земли,
    Серо-зелеными комками
    Они ползли, к нему ползли.
– Не лучше ль смерть?
                Но в черном дуле
Нет утешенья для бойца.

А он желал одной лишь пули,
Всего лишь девять грамм свинца.
    И вдруг – нашел… На спуск рукою
    Нажать… Дороги нет назад.
    И в тот же миг, над головою,
    Увидел он – чужой солдат!
Покатый лоб под низкой каской
И свастики паучья мразь,
И поросячьи злые глазки.
И хриплый возглас: – Русс, сдавайсь!
    И блеск штыка, и взмах приклада —

Решай, секунда дорога.

Всю мощь последнего заряда
Он вбил в покатый лоб врага.

20. О НЕПОБЕДИМОМ ЛЕЙТЕНАНТЕ…

В гуще боя помнил он едва ли
Боль в руке, свинца водоворот,
Как его бойцы перевязали
И как снова он бежал вперед.
А когда пробило пулей каску,
Он упал, но, призывая в бой,
Руку в окровавленной повязке
Он поднял как знамя над собой.
…Над селом отбитым сном и миром
Месяц всплыл, костров поднялся дым.
За непобедимым командиром
Мы идем вперед и – победим!

21. КОМИССАР

Машина попятилась прямо к обрыву —
В грязи не сдержали колес тормоза…
Попутчикам
сразу,
животным порывом,
Расширило страхом смертельным глаза…
Уже показалось – качнулись вершины,
В сознанье мелькнуло —
паденье,
удар…
Как птицы метнулись они из машины…
Остался с шофером один. Комиссар!
Ему, как и всем, была гибель известна,
Но, страстно желая шоферу помочь,
Он все же не кинул опасного места,
Не бросил машину, не выпрыгнул прочь.
Что чувствовал он —
никому не известно,
Но, страшным виденьем осталось у всех:
Колеса,
помедлив,
взметнулись над бездной
И фары нелепо вдруг вздернулись вверх.
И только тогда, когда черною глыбой
Машина метнулась и воздух стал пуст,
Видя свою неизбежную гибель
Он выпрыгнул и ухватился за куст.
Машина над краем дугу описала,
Грозой пронеслась над его головой,
Ударилась боком об острые скалы
И снова взлетела на воздух дугой.

Потом повернулась, ломая дверцы,
И стала боком катиться вниз…

А он успокоил дрожавшее сердце
И вылез к попутчикам на карниз.
Он вылез, как прежде, суров и спокоен
И только сказал: – «Пойдемте пешком».
Он был большевистской армии воин —
Упрямый, настойчивый, смелый во всем.
И смелость такая, и воля такая
Других, увлекая, зовут за собой.
С такими людьми никогда не пугают
Ни срыв, ни война, ни решающий бой.
И путь не бывает ни страшен, ни труден,
Когда по дорогам в победный маршрут
Упрямые, сильные, смелые люди
В опасные рейсы машины ведут!

22. В РАЗВЕДКЕ…

Полей белоснежные скаты
Бесстрастны движенью войны
И люди в защитных халатах
На белых снегах не видны.
И все же мы движемся ночью,
В лощинах встречая рассвет,
А Фриц обнаружить нас хочет
И светит шипучкой ракет.
Он жжет на окраинах хаты
И страх не сумев превозмочь,
Нервозным огнем автоматов
Пугает безмолвную ночь.
Пугает… Но пришлому Фрицу
Вдвойне наши ночи страшны
И сам он смертельно боится
Халатов с другой стороны.

23. ВОЛОКОЛАМСКОЕ ШОССЕ…

Здесь немец был, хозяйничал немного,
Но вскоре нами выбит был назад.
Повсюду по обочинам дороги
Машины вдрызг разбитые лежат.
Немым свидетелем того, что днем и ночью
Четыре дня здесь время шло в боях.
Свисают проволоки спутанные клочья
На телеграфных стынущих столбах.
Простор полей печален и пустынен,
Мост взорван и лежит в снегах.
Повсюду надпись: «Мины», «Minen»,
На русском и немецком языках.
Родной мой край!
Прекрасный, мудрый, древний!
Ты стал суровей, горечь пережив.
Стоят полуразбитые деревни,
Глазницы окон досками закрыв.
На огонек мы в хату завернули.
Я пить спросил, мне дали молока.
– Бери, бери… Вы больше нам вернули —
Услышал я. – Не жалко для сынка…
Каким огнем запали в сердце гневном
Хозяйки ласковые теплые слова.
Она, в великой простоте душевной,
Сама не знает до чего права.
Не только дом, ухват, корову, пожить,
Не только кочергу и решето —
Мы ей вернули Родину!
А что,
Для человека Родины дороже!

24. ПОЭМА ОБ УЧИТЕЛЕ…

Замела дубовые аллеи
Снежная колючая пыльца.
В холоде колоннами белея,
Стынут стены старого дворца.
За резной чугунною оградой,
Где скамейки и замерзший труд,
Граф Олсуфьев властвовал когда-то.
Нынче школа разместилась тут.
И хромой и маленький учитель,
Тыча мелом в черную доску,
О российском говорил пиите
И учил родному языку.
А сегодня как-то необычно
Придавила школу тишина.
Это грозным лязгом гусеничным
Прокатилась по селу война.
Прокатилась и ушла куда-то
Дальше в настороженную тьму.
В двадцать шесть гвоздей
сапог солдата
Отпечатал след на Яхрому.
А в больших и светлых классах школы,
Словно в собственном своем дворце,
Поселился грузный и тяжелый
С черными крестами офицер.
Он сказал, что кончилось ученье.
Он сказал: «Россия есть капут!»
И велел очистить помещенье
За пятнадцать, максимум, минут.
Зимний холод пробежал по залам.
Зимней стужей скованна земля.
Что сказать?.. Тоскливо и устало,
Молча разошлись учителя.
А хромой и маленький учитель
Не ушел… Зачем идти?.. Куда?..
В четверть часа мог ли он, скажите,
Уложить пятнадцать лет труда?!
Даже в час смятенья и тревоги,
Правда, в том повинна и нога,
Не ушел он по примеру многих,
Не покинул школу на врага.
А минуты, словно капли крови,
Истекли. Миг мал или велик?
Офицер, сердито сдвинув брови,
Приказал очистить класс от книг.

А учитель… Он на офицера,
Позабыв о страхе, закричал:
– Разве можно?.. Пушкина?.. Мольера?..
Он не спас их.
Он попал в подвал.
Конвоир сноровисто, с издевкой
Объяснил, что ждет его, как мог.
Показал на шею, на веревку
И потом куда-то в потолок.
Все понятно, повторять не надо.
Тусклый свет в окне над головой.
За оконцем, волоча прикладом,
Изредка проходит часовой.
Жить осталось мало, очень мало.
Может быть всего лишь эту ночь.
Мрачен сумрак графского подвала.
Кто сумеет узнику помочь?
Так промчались день и ночь,
и снова
Сквозь решетки свет проник в подвал.
Почему не видно часового?
Что за грохот?.. Он не понимал.
Он поднялся со своей лежанки.
Вдруг… Речь русская! Шаги, еще шаги!
Звезды на заснеженных ушанках,
Черные граненые штыки.
Расцвела холодная аллея,
Захлестнул глаза горячий шквал.
Он выбежал, он бросился на шею
И зарыдал.
Мы прошли по землям Подмосковья
Сквозь бураны множества смертей.
Кровью, собственной горячей кровью,
Мы навеки породнились с ней.
Выли бомбы, гулко били пушки,
Громыхали бронепоезда.
Оставались сзади деревушки,
Оставались сзади города.
Как сейчас живут в них я не знаю,
Но в одном уверен быть могу —
Там детишек снова обучают
Русскому родному языку.

25. ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ И ОТВЕТ…

Над землянкой тесной
Мартовское небо.
Солнце нижет воздух
Золотой тесьмой.
На моих коленях,
С котелком и хлебом,
Из дому от мамы
Теплое письмо.
Пишет мне из дома,
Задает вопросы:
«Как ты там, сыночек?
Как на фронте жизнь?»
А меж тесных строчек,
Вижу – капли… слезы…
Темными кружочками
Всюду разошлись.
Как ее утешить?
Что ответить маме,
Чтоб не застилали
Больше слезы свет?
По привычке старой
Этими стихами
На листе блокнота
Я пишу ответ.

«Мама, мама, милая, не плачь,
Верь, как я, что будет все иначе.
После долгих, долгих неудач
И для нас настанет день удачи.
В этот день твою развеяв грусть,
Окрыленный радостью победы,
Я в семью родную возвращусь,
Позабыв все горести и беды.
И тогда ты вскипятишь мне чай,

Вытрешь радости непрошенные слезы,
А я буду честно отвечать
На твои вопросы и расспросы.
А пока пусть служит мне отрадой
Твой привет в далекой стороне.
Ты не плачь, без крайности, не надо,
Не печалься сильно обо мне.
Я храню твое письмо в конверте,
И тебе хотел бы доложить,
Что совсем не думаю о смерти
И надеюсь жить еще и жить.
Но, в минуты трудные, я все же
До конца поклялся защищать,
Что всего священней и дороже —
Это нашу Родину и Мать».

26. МАЙОР УСТАЛ…

Майор устал, за много дней ни разу
Не забывал он все проверить сам.
Огнем и сталью, по его приказу,
Гуляла смерть над вражьей головой.
И вот однажды, в маленькой избенке,
В разгар ожесточеннейших боев,
Он встретил девочку, лет трех ребенка,
И на колени посадил ее.
Он гладил ей вихрастую головку,
Шутя расспрашивал о чем-то мать
И, не позволив посмотреть винтовку,
Себя за бороду позволил он таскать.
В его глазах была любовь и жалость.
Любовь лилась из-под усталых век.
И мне со стороны казалось,
Сидит в военном френче мирный человек.
Кто знает.
Да, был он мирным, до тех пор, покуда
Страна его к войне не призвала.
И так сидел, но скоро, очень скоро, его позвали.
И снова вспыхнули в глазах майора
Безжалостный холодный блеск и гнев.
И снова, по его приказу,
Артиллеристы ставили прицел.
За много дней
Не видел я ни разу
Чтоб он когда-нибудь врагов жалел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.